

УДК:821.512.19 (076)

КОНЦЕПЦИЯ ЭТНОМЕНТАЛЬНОСТИ В ПРОЗЕ ТАИРА ХАЛИЛОВА

Джемилева А. А.

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Российская Федерация
E-mail: ayshe66-2008@mail.ru*

Крымскотатарские писатели в XX в. создают галерею произведений, в которых художественно отобразились представления об особенностях национального характера крымских татар, реалии крымскотатарского быта, картины крымской природы и др. Особое внимание уделялось и истории народа. Таким образом, была создана уникальная образная система, раскрывающая особенности национальной ментальности, которая формировала складывающуюся в литературе каждого народа национальную картину мира. Одним из ярких и самобытных писателей 1980-х гг., поднимающим в своих произведениях духовные и этические проблемы народа, вопросы его исторического прошлого является Таир Халилов. Работа посвящена изучению этноментального в прозе Т. Халилова, выявлению признаков этноментальности в повести «Тутып алынгъан Ватан» («Отнятая Родина»). Сделан вывод о формировании целостной концепции этноментальности в прозе писателя.

Ключевые слова: этноментальность, крымскотатарская литература, Таир Халилов, национальный характер, национальное самосознание, герой, повесть.

ВВЕДЕНИЕ

Крымскотатарские писатели в XX в. создали галерею произведений, в которых художественно отобразились представления народа об особенностях национального характера крымских татар, реалии крымскотатарского быта, великолепные картины крымской природы и др. Большое внимание уделялось истории народа. Таким образом, была создана уникальная образная система, отразившая особенности национальной ментальности, национальную картину мира. Одним из самобытных писателей 1980-х гг., поднимающим в своих произведениях духовные и этические проблемы народа, вопросы его исторического прошлого является Таир Халилов.

Цель нашей статьи – проследить, как представлены принципы репрезентации этноментального в прозе Т. Халилова, выявить признаки этноментальности в повести «Тутып алынгъан Ватан» («Отнятая Родина»).

Актуальность исследования связана с определением вектора дальнейшего развития историко-культурологического знания, в котором значительное внимание уделяется изучению менталитета вообще и этнического менталитета в частности. В этой связи обращение к социокультурным, религиозно-мировоззренческим, ценностным основаниям бытия крымскотатарского этноса представляется весьма актуальным, поскольку позволит лучше понять сущность культуры крымских татар.

Новизна исследования характеризуется отсутствием в крымскотатарском литературоведении монографического исследования проблем этноментальности в прозе писателя. В качестве источниковедческой базы можем назвать работы А. Джемилевой [2-5], Ф. Сеферовой [7], в которых сделана попытка изучения отдельных аспектов творчества писателя.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

По мнению ученых, «этнический менталитет устойчив, но естественные, порой насильственные формы существования народа меняют его, искажают соотношение элементов в строе мысли. И тогда следует обращаться к объективным свидетельствам об исконной специфике менталитета» [12, с. 20]. Несмотря на то, что культурно-этнические смыслы сосредоточены на фольклорных произведениях, современная художественная литература даёт богатые возможности для наблюдения процессов, связанных с этнической ментальностью. В произведениях известных крымскотатарских писателей XX в. А. Ильмия, У. Ипчи, Ш. Алядина, Ю. Болат, Э. Шемьи-заде, Э. Амига, Э. Умерова, Черкез-Али, А. Османа, Р. Али, У. Эдемовой, Т. Халилова и др. раскрыты этнопсихологические черты народа, отображены закономерности формирования и развития национальных черт характера.

Н. С. Надъярных отмечает, что «с середины XX века гуманитарные науки переживают радикальные парадигмальные изменения. И даже если видеть в них только тенденцию, то и тогда она показательна. Если долгое время до этого преобладал интерес ученых к культуре чужой или чужих, замечательной своей инаковостью и воспринимавшихся подчас «экзотическими», то теперь наряду с ним немалое место занимает научная рефлексия о своей культуре, ее структурах, слове, духовности, самобытности художественного сознания» [6, с. 103].

Основной художественный стержень значительной части произведений крымскотатарской литературы периода Высылки (Сюрдюнлик деври) (1944 – 1987 гг.), бесспорно, составляет тема тоски по исторической родине. Несмотря на отдаленность от очага предков, писателям удалось сохранить образ родины во всем его духовном, этическом, культурно-историческом колорите. Несомненно, что для крымскотатарских писателей природа исторической родины – духовное послание, язык которого должен быть расшифрован читательским сознанием.

Т. Халилов – один из писателей, чье творчество отображает национальное своеобразие мышления в высокой степени и талантливо репрезентирует этноментальное в произведениях. Как свидетельствуют биографические источники, детство его пришлось на тяжелые годы депортации. Писатель родился 6 сентября 1940 г. в селе Карабай (Возрождение) Старо-Крымского района Крымской АССР. На момент депортации ему было 4 года. Пунктом назначения стала Костромская область, леспромхоз Шайтан, где в глухом лесу были только деревянные бараки. В тех невыносимых условиях быстро распространялись болезни, от страданий люди умирали семьями. Потеряв родителей, Таир Халилов и его малолетние братья и сестры были помещены в один из детских домов Узбекистана. Дальше будущего писателя ожидала русскоязычная средняя школа и обязательная служба в армии. Первые произведения были написаны на русском языке. Впоследствии, в зрелом возрасте, он начал писать на родном языке. В мае 1990 г. Т. Халилов вернулся в Крым, где проживает и сейчас [11].

Произведения Т. Халилова публикуются в сборнике «Фесильген къокъусы» («Запах базилика»; 1985), в журнале «Йылдыз». Особый интерес представляет сборник «Биринджи къар» («Первый снег»; 1987). Отметим рассказы «Без турнарлар» («Белые журавли»), «Бульбуль ве гуль» («Соловей и роза»), «Чал атым» («Мой чалый

конь»), «Биринджи кьар» («Первый снег»), «Фесильген кьокьусы» («Запах базилика») и др. Писатель освещает разнообразие явления действительности, используя для воплощения своих замыслов широкие возможности народной символики [4, с. 73].

Прозаическое творчество писателя отличается жанровым многообразием. Острой нравственной направленностью отмечены повести «Лейлеклер учып келирлер» («Журавли еще прилетят»), «Кьабаат экимизде» («Виноваты двое»), «Эски кемане» («Старая скрипка»). В журнале «Йылдыз» напечатаны рассказы «Денъиз анасы» («Русалка»; 1981, № 3), «Чимган кьырлары» («В горах Чимгана»; 1985, № 5), «Анамны арзылап» («Вспоминая маму»; 1988, №4); повести «Бинъ баш кьорай» («Перекасти-поле»; 1990, № 1), «Сонъки нефеске кьадар» («До последнего вдоха»; 1992, № 3); пьеса «Танъ йылдызлары» («Утренние звёзды»; 1985, № 2); поэма «XX асыр – меним такъдирим» («XX век – моя судьба»; 1985, № 6).

Во многих произведениях Т. Халилова в содержание вплетается ностальгическая особенность образов и смыслов. Так, например, в рассказе «Анамны арзылап» («Вспоминая маму») героя волнуют не только зрительные образы матери и отца, но и обонятельные – запахи. Особенно счастливым чувствовал он себя осенью, когда было много запахов фруктов. Эти запахи имели большое значение в его жизни: «Дома наполнялись запахами арбузов, дынь, фруктов <...> Какими радостными, плодородными были эти осенние дни! Все были веселые, довольные, счастливые! Эти груши бера, яблоки кандиль-синап, рябина! Пучки фруктов висели на потолке до весны! Их запахами пропитаны даже стены. Родные запахи! Незабываемые никогда, они впитались в кровь и в душу мою» (Здесь и далее перевод наш – А.Д.) [8, с. 67]. Рассказ пронизан чувством любви к родной земле. Через воспоминания, образы отца и матери, запахи Т. Халилов говорит о своей преданности Родине и любви к ней, родному Крыму. Ключевые образы – образ матери, образ Родины. Тоска героя по матери – ностальгия по Крыму. Есть в рассказе и предметные, зрительные образы, это образы поющей свирели, колодца. В произведении свирель оживает, приобретает современное звучание. За образом рассказчика мы можем легко угадать образ автора, человека, преданного родной земле, своим корням, своему делу [4, с. 129–130].

В рассказе «Биринджи кьар» («Первый снег») переплетаются драматическое и эпическое начала. Во взаимопроникновении этих двух начал раскрывается внутренний мир героини рассказа – Хатидже апте. Писатель создает образ женщины, жизненные испытания которой символизируют силу нации, нестигаемую волю народа. Перед нами яркий самобытный характер женщины, которая прошла через все тяготы и лишения, вызванные депортацией крымскотатарского народа [4, с. 134].

В своем творчестве Таир Халилов воплотил событие несправедливого изгнания целого народа с родных земель, тему страдания народа на чужбине. В произведениях писателя, в созданных его талантом образах и символах, бесспорно, ярко выражаются национальные черты, чувствуются внутренние переживания героев, сила которых в характере. Повесть Т. Халилова «Тутып алынган Ватан» («Отнятая Родина») (Акьмесджит, 2013) – особый художественный текст в серии произведений, посвященных трагической теме – высылка народа.

В основе повести, имеющей автобиографический характер, лежит национальное духовно-нравственное начало. Автор пишет в предисловии: «Бири-бири артындан енеген эшелонлар къарт-къурт, сабий-субьян ве къадын-къызларнен рыкъма-рыкъ толу эди. Эпимизни чыр-чыплакъ этип, сасыкъ мал ташыгъан къара вагонларгъа юклеп, уджсыз буджакъсыз эвель Русие, сонъра Совет империясынынъ кийик орманлары ве челлерине алып барып текстилер. "Бу яптыгъынъыз недир?" – демеге кимсе агъыз ахмады ве кимсе тапылмады». (Потянулись черные эшелоны, битком набитые беззащитными стариками, детьми и женщинами. Нас раздели, обобрали и погрузив в вонючие вагоны, в которых возили скот, повезли по великим просторам бывшей российской, а затем Советской империи. И никто не выступил в защиту за нас) [10, с. 8]. Через всю повесть красной нитью проходит мысль, связанная с мечтой каждого крымского татарина когда-нибудь вернуться на свою историческую родину.

Писатель от лица мальчика повествует о том, как происходило выселение из Крыма, о драматических ситуациях в пути, о несправедливости во время пребывания в детском доме. «Поезд суръатыны алгъан сонъ, ич бир маниасыз, тегиз демирел узеринден тыгъырып кетмекте. Вагонлар ичиндеки къурбанлар неге огърагъанларыны бильмей тындылар, башларыны салындырып, козьяшларыны юреклерине акъызып, тюшонджеге далдылар. Атта балалар сусып къалдылар. Апансыздан халкъ башына энген шефкъатсыз дарбе эр кесни шашырды-шашмалатты». (Набрав скорость, поезд беспрепятственно мчался по ровной железной дороге. Люди в вагоне, не зная, что их ждет, повесили головы, смолкли и задумались, их сердца плакали. Даже дети притихли. Народ был в смятении и в растерянности от внезапно обрушившегося на их головы жестокого удара) [10, с. 37].

Нарративный дискурс повести организует речь героя-рассказчика и автора-повествователя. Как только люди были изгнаны из домов и их погрузили в вагоны, у них появляется чувство ностальгии по родному крову и начинается отсчет времени вне Родины. «Открылась первая страница Дневника ностальгии», – пишет автор. Оказавшись в черных грузовых вагонах, народ переживает о своей судьбе и молит о помощи Аллаха.

Думается, в этом эпизоде отражена художественная концепция произведения. «Балалар! – Решат эмдже бизге мураджаат этти. Давушы къарыкъ ве эеджанлы. Бугунь 18 майыс 1944 сене. Бу кунни акъылынъызда эбедий тутынъыз. Оны ич бир заман унутманъыз. Унутмагъа акъкъынъыз ёкъ! Бугунь сизнинъ келеджегинъизни, истикъбалинъизни тутып алдылар. Бахтынъызны хырсызладылар. Ялварам, бу къара кунни ич бир вакъыт унутманъыз!» (Дети! – обратился к нам дядя Решат. Голос его был хриплым и взволнованным. Сегодня 18 мая 1944 года! Запомните этот день навсегда. Никогда не забывайте. Не имеее права забыть! У вас отнимают ваше будущее, ваше счастье. Заклинаю, никогда не забывайте этот черный день!) [10, с. 47]. 18 мая 1944 г. – своего рода сакральная дата для крымских татар. В этот день народ постигло величайшее горе. Горький и жалобный плач заполнил вагоны и пронесся над опустевшей землей. Люди не могли сдержать слез, это был всеобщий прощальный плач. Мотив плача повторяется и углубляется, что позволяет трактовать его в качестве лейтмотива: «Кене адджы-адджы кескин агълав вагон ичини титретти. (И опять горькие стенания сотрясали вагон)» [10, с. 47].

Во время пути герой находит отверстие в вагоне и смотрит в «окошечко», пытаясь увидеть границу, о которой говорят взрослые. «Къайда экен о сынъыр? Тек йыллар кечкен сонъра, буюген сонъ, Ватан сынъыры эр кеснинъ юрегинден отип кечкенини анъладым». (Где же эта граница? Только спустя годы, повзрослев, я понял, что граница Родины невидимая, она проходит в сердце каждого из нас) [10, с. 47].

Одним из ярких проявлений этноментальности в произведении, бесспорно, является включение в текст крымскотатарских народных песен. На протяжении всего жизненного пути народ, и в горе, и в радости, всегда сопровождала песня. Автор хорошо знаком с психологией народа и умело отражает это в повести. Народная мелодия, образ «Дертли къавал» – «Тоскующей свирели» издавна сохранилась как культурное наследие крымскотатарского народа. «– "Мавиле, къызым, тарсыкъкъанымдан ичим багърым янып-куе, ялварам «Дертли кавал»ны йырласа", – деп риджа этти къартий ян-янаша отургъан йырджыгъа. Ченгесини тизлерине тиреп, тизлерини къучакълагъан алда отургъан Мавиле озюни беклетмеди: зиль туткъан демир копчеклери тасырдысы алтында акъырын йырлап башлады. Дакъкъа сайын сеси артты, кучъ ве азнкнен толды». («Мавиле, дочка, спой, "Дертли кавал", уж очень тревожно и тяжело на сердце», – попросила ее старушка. Мавиле не заставила себя ждать. Обхватив руками прижатые к подбородку колени и положив на них голову, тихо запела под аккомпанемент стука колес вагона. С каждым аккордом ее голос набирал силу и звучание) [10, с. 49]. Символические образы подчеркивают стремление автора осознать национальные истоки в развитии художественного самосознания народа и способствуют проявлению ментальности. Важно то, что, будучи существенным способом воздействия, проникновенная и скорбная песня объединяла народ, давала силы, волю и терпение пережить трагедию. Это была песня-молитва, обращенная к Всевышнему с мольбой облегчить душевные муки.

Отметим в качестве основных повествовательных принципов – ретроспекцию, размышления автора, диалоги, монологи героев о прошлом и будущем народа. Повесть насыщена драматизмом, трагическими событиями: герои Ваит-ага, Муса, Назифе-апте, Мавиле, Земине-апте, Зарема умирают. Герой теряет в пути маму и сестренку, плохо закрепленные доски падают и травмируют их насмерть. Конечно же, Эдем очень переживает, он не представляет себе жизни без материнской любви, тепла и ласки. «Анам ольген сонъ, къайгъымны Анифе тизем чекти. Ашатты-ичирди, козь-къулакъ олды. Лякин догъмуш ананы ким денъиштире биле? Анасыз ярыкъ дюнья бошлукъкъа чевирильди. Оксюз къалгъан къозучыкъ киби кимге сыйыкъмагъа бильмедим. Аятымнынъ манасы, бахтымнынъ менбасы анам олгъаныны анамны джойгъан сонъ там анъладым. Мегер, дюньянынъ зевкъы ве нешеси анамда эди». (После смерти мамы меня опекала и заботилась обо мне тетя Анифе. Она меня кормила-поила, предостерегала от необдуманных поступков. Но никто не заменит родную мать. Мир без мамы опустел. Как сиротливый козленок я не знал, к кому прикинуть. Только после смерти матери я понял, что смысл моей жизни, источник моего счастья была мама. Оказывается, все радости и удовольствия жизни только с мамой) [10, с. 78].

Люди были крайне истощены, у них не было ни слез, ни сил оплакивать умерших. Как говорится в повести, на восемнадцатый день пути состав прибывает в

Среднюю Азию. К сожалению, не все доехали до места назначения, семь человек погибли. Людей из вагона героя определили в колхоз Камышкышлак. Здесь их ожидали брюшной тиф и дизентерия, малярия, голод, холод, жара, непосильный труд, невыносимые бытовые условия, тоска по Родине и лишения.

Продолжим наблюдения над повестью. Эдема и его тетю приводит в свой дом старик узбек Махкам-ата. Героев ждет новая, другая, чужая непривычная жизнь. Мальчик, действительно, сразу почувствовал чужой незнакомый запах: «Босагъдан атлар-атламаз насылдыр, манъа белли олмагъан, озгюн, тек Орта Асияда яшап кельген мааллий сакинлерге аит эв къокъусы бурнума урды». (Не успел я войти, как с порога в ноздри ударил неизвестный мне, своеобразный азиатский запах его обитателей) [10, с. 116]. Как известно, каждому народу присущ свой неповторимый, лишь ему принадлежащий и укоренившийся укладом жизни особый, специфический запах. Это были не те родные и знакомые запахи, к которым с детства привык герой. Таким образом, в повести изображаются два мира: мир пришельцев, чужих (крымских татар) и мир жителей, узбекский уклад жизни, которые приобрели в повести, несмотря на общность веры, статус различных антагонистичных – «миров». В Узбекистане для героев все было чужим и пугающим: жители, образ жизни, предметы быта, насекомые, шакалы, хлопковые поля, жаркий климат и др.

Герой вспоминает родные запахи: «в доме у нас пахло кофе и ароматом яблок. До самой весны в комнатах висели подвешенные к потолку пучки кандиль-синапа, этих продолговатых, красивых и сочных яблок и ювеза, разновидности крымской горной рябины, а кофе, как вино у кавказцев, неотъемлемый атрибут нашего быта» [10, с. 116]. Это были запахи Родины, родной земли, которые не стирались из памяти. Таким образом, перед нами яркое воплощение признаков национального характера героя, проявление этноментальных особенностей произведения.

Несмотря на то, что узбекская семья Махкам-ота и Мехри-хола относились к Эдему и его тете с сочувствием, проявляли доброту и милосердие, жизнь у переселенцев была очень трудной. Голод, болезни, тоска по родной земле, невозможность адаптации в других климатических условиях привели к тому, что люди часто умирали. Выращиваемая в республике культура – хлопок, была дороже человеческих жизней, – пишет автор. Тетя героя заболевает и умирает от побоев, от тяжелого труда на хлопковом поле. Эдем остается один. Он тоскует, скучает от одиночества, с нетерпением ожидая возвращения отца с войны. Наступает долгожданный день Победы, но мальчик в это время заболел.

После его выздоровления, приютившие их Махкам-ота и Мехри-хола хотят дать мальчику имя своего сына, одеть в узбекскую национальную одежду и сделать своим сыном. «Махкам-ота, бросив на меня многозначительный взгляд, не спеша, торжественно положил сверток на колени и, будто совершая таинственный ритуал, медленно развязал и развернул его. – “Подойди ко мне, сынок”, – подозвал он меня. Я поднялся, обошел незнакомого гостя, встал перед Махкам-ота. Он разложил содержимое узелка мне под ноги. Это был детский полосатый стеганный халат – чапан, и к нему шелковый бельбаг – поясной платок, еще лежала новая, черная, с белой нашивкой, узбекская тубетейка – доппу. Махкам-ота сначала одел на меня чапан, опоясал бельбагом, затем нахлобучил на голову тубетейку» [10, с. 188]. Старик,

любуясь, отмечает, что, действительно, Эдему очень идет эта одежда и просит у жены зеркало, чтобы парнишка посмотрел на себя.

Этот эпизод, безусловно, играет важную роль в толковании национального характера и проявлении этноментальных черт героя. «Истер-истемез аксима бакътым ве титредим. Этим-теним чимирдеди. Озюмни танымадым. “Бу кыяфетте бабам коръсе биле танымаз”, – деген фикир йылдырым тезлигинен мийимде йылдызланды». (Я поневоле взглянул на себя и задрожал. Все во мне перевернулось. Сам себя не узнал. “В этом облике меня родной отец не признает”, – первое, что пришло мне в голову») [10, с. 188]. Махкам-ата говорит о том, что хотел бы усыновить Эдема (Адема). «Будешь нашим сыном. Заменишь нам погибшего сына Эргашали. Назовем тебя Эргашали. Имя Адем нам как-то непривычно. У тебя хорошее имя, но Эргашали для нас звучит тепло) [10, с. 189]. Сидящие в комнате гости констатировали, что мальчик, конечно же, очень похож на настоящего узбека. Герой стоял и не знал, что делать. Внутри шла упорная борьба: «Напряженное чувство на протяжении веков вливающееся в мою кровь и каждую клеточку тела, а затем и в сознание, закипело во мне, стремясь вырваться наружу». Я не повернулся, не склонил голову, а недоверчиво смотрел на Махкам-ата», – пишет от лица героя автор. «Хотел сказать, что надо бы спросить у отца, но не успел, что-то бурно вскипело внутри меня, прорвалось, вырвалось наружу, как пар из чайника. Оно, это нечто, засело в глубине моего сознания, составляло мою сущность, основу моей личности и национальности, и было сильнее меня. – “Я не узбек!” – сорвался с языка крик. – Я сын своих родителей! Дальше происходило все, как в полусне. Я развязал поясной платок и сбросив с себя тюбетейку и чапан, выбежал за калитку» [10, с. 189]. Мальчик бежал из дома, неизвестно куда, навстречу опасностям, но думал только об одном: «Я не узбек! И не татарин! Я крымец! Слышите, я крымец! Моя Родина – Крым! Я единственный сын своих родителей!» [10, с. 190]. Здесь перед читателем субъективированная форма проявления этничности – этническое самосознание – «чувство принадлежности к тому или иному этносу, выражающееся в этническом самоопределении, то есть в отнесении индивидом себя к данной этнической группе» [1, с. 56]. Бесспорно, герой Т. Халилова в полной мере ощущает принадлежность к крымскотатарскому этносу и никогда, ни при каких обстоятельствах не поменяет свое мышление, национальность, что характеризует его как яркого носителя этноментальности в современной прозе.

ВЫВОДЫ

Таким образом, представленные примеры художественных репрезентаций этноментального (национального) в творчестве современного прозаика Таира Халилова (в рассказах «Анамны арзылап», «Биринджи кър» и повести «Тутып алынган Ватан») позволяют сделать вывод о формировании целостной концепции этноментальности в прозе писателя.

Список литературы

1. Абуков К.И. Разноязычное единство: обретения и потери. – Махачкала, 1992. – С. 56.
2. Джемилева А.А. Вакъыт-феза (хронотоп) мунасебетлеринде вакъыт концепциясы (Таир Халиловнынъ «Биринджи кър» икяеси мисалинде) // Йылдыз. – 2006. – № 5. – С. 126–134.

3. Джемилева А. А. Повествовательная модель в рассказах Таира Халилова // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 158. – С. 51–53.
4. Джемилева А. А. Поэтика повествования в крымскотатарском рассказе 70–80 годов XX века. Монография. – Саратов: Амирит, 2022. – 168 с.
5. Джемилева А. А. Специфика жанра и функция художественной детали в рассказе (на материале рассказов Т. Халилова «Фесильген кюкюсы» – «Запах базилика» и «Без турналар» – «Белые журавли») // Культура народов Причерноморья. – 2004. – Т. 2. – № 50. – С. 99–105.
6. Надъярных Н. С. Дмитрий Чижевский. Единство смысла. – М., 2005. – 366 с.
7. Сеферова Ф. А. Парадигма морали в творчестве Таира Халилова // Крымскотатарская филология: проблемы изучения и преподавания. – 2018. – № 1 (2). – С. 151–155.
8. Халилов Т. Анамны арзлап (Вспоминая маму) // Ылдыз. – 1988. – № 4. – С. 65–71.
9. Халилов Т. Биринджи кьар (Первый снег): [Повестлер ве икяелер (Повести и рассказы)]. – Т., Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрият, 1987. – 160 с.
10. Халилов Т. Тутып алынгъан Ватан. Повесть. – Симферополь: ИД "Тезис", 2013. – 256 с.
11. Халилов Таир Бекирович. – Режим доступа: [https:// u.wikipedia.org/wiki/ Халилов_Таир_Бекирович](https://u.wikipedia.org/wiki/Халилов_Таир_Бекирович). – (Дата обращения: 25.12.22).
12. Хроленко А. Т. Лингвокультуроведение: Учебное пособие. – Курск: Изд-во РОСИ, 2001. – 180 с.

References

1. Abukov K. I. *Raznoyazychnoe edinstvo: obreteniya i poteri* [Multilingual unity: gains and losses]. Mahachkala, 1992. 56 p.
2. Dzhemileva A. A. *Vak"yt-feza (hronotop) munasebetlerinde vak"yt koncepciyasy (Tair Halilovnyñ «Birindzhi k"ar» ikyaesı misalinde)* [The concept of time in the relationship of the chronotope in T. Khalilov's story "The first snow"]. *Jyldyz*, 2006, no. 5, pp. 126–134.
3. Dzhemileva A. A. *Povestvovatel'naya model' v rasskazah Taira Halilova* [Narrative model in Tahir Khalilov's stories]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*, 2009, no. 158, pp. 51–53.
4. Dzhemileva A. A. *Poetika povestvovaniya v krymskotatarskom rasskaze 70–80 godov XX veka* [Narratives in the Crimean Tatar story of the 70-80s of the XX century]. Saratov, Amirit Publ, 2022. 168 p.
5. Dzhemileva A. A. *Specifika zhanra i funkciya hudozhestvennoj detali v rasskaze (na materiale rasskazov T. Halilova «Fesil'gen k"ok"usy» – «Zapah bazilika» i «Beyaz turnalar» – «Belye zhuravli»)* [Specificity of the genre and the function of the artistic detail in the story (based on the stories of T. Khalilov "Fesilgen kokusy" – "The smell of basil" and "Beyaz turnalar" – "White cranes")]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*, 2004, vol. 2, no. 50, pp. 99–105.
6. Nad'yarnyh N. S. *Dmitrij Chizhevskij. Edinstvo smysla* [Dmitry Chizhevsky. unity of meaning]. Moscow, 2005. 366 p.
7. Seferova F. A. *Paradigma morali v tvorchestve Taira Halilova* [The paradigm of morality in the work of Tahir Khalilov]. *Krymskotatarskaya filologiya: problemy izucheniya i prepodavaniya*, 2018, no. 1 (2), pp. 151–155.
8. Halilov T. *Anamny arzlap (Vspominaya mamı)* [Remembering Mom]. *Jyldyz*, 1988, no. 4, pp. 65–71.
9. Halilov T. *Birindzhi k"ar (Pervyj sneg): [Povest'ler ve ikyaeler (Povesti i rasskazy)]* [Remembering Mom: Novels and stories]. Tashkent, G"afur G"ulam adyna edebiyat ve san'at neshriyatı, 1987. 160 p.
10. Halilov T. *Tutyp alyng"an Vatan. Povest'* [Taken homeland]. Simferopol: Tezis Publ., 2013. 256 p.

11. *Halilov Tair Bekirovich*. Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Halilov,_Tair_Bekirovich (accessed: 25 December 2022).
12. Hrolenko A. T. *Lingvokul'turovedenie: Uchebnoe posobie* [Linguistic and Cultural Studies: Textbook]. Kursk, ROSI Publ., 2001. 180 p.

THE CONCEPT OF ETHNOMENTALITY IN THE PROSE OF TAIR KHALILOV

Dzhemileva A. A.

The article discusses the ethno-mental foundations of the work of the modern Crimean Tatar writer T. Khalilov, ways to identify the national character, the specific symbolism of the Motherland in the writer's artistic self-consciousness. The national character is closely connected with the problem of national identity. It is emphasized that one of the ways of the artistic embodiment of national self-consciousness is the functioning of the tragic theme in the works - the expulsion of the people. The heroes of the writer reflect the national spirit and national character of the Crimean Tatar people, their fate and history. During the 20th century, Crimean Tatar writers created a number of works that artistically embodied ideas about the features of the national character of the Crimean Tatars, the realities of the Crimean Tatar life, memorable pictures of the Crimean nature, etc. Much attention was paid to the history of the people. Thus, a unique figurative system was created, revealing the features of the national mentality, which formed the national picture of the world emerging in the literature of each people.

Key words: ethno-mentality, Crimean Tatar literature, Tahir Khalilov, national character, national identity, hero, story.